

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

А.Е. Шаститко

д.э.н., профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

Н.С. Павлова

к.э.н., старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ: ЗАЧЕМ ЭКОНОМИКЕ КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ?¹

Аннотация. В статье анализируется роль критического мышления во внутридисциплинарном дискурсе в условиях концептуального разнообразия экономической науки, радикальной неопределённости, а также организации коммуникации между экономистами-исследователями и регуляторами. В качестве теоретической рамки предлагается интерпретация экономической науки как множества сосуществующих научно-исследовательских программ (НИП) в смысле И. Лакатоса. Особое внимание уделяется роли критического мышления экономистов как возможного механизма, обеспечивающего конструктивный диалог между различными НИП. Показаны онтологические, эпистемологические и аксиологические ограничения критического мышления как в академической, так и в экспертной и образовательной сферах. К онтологическим ограничениям отнесены доминирование спроса на «одноруких» экономистов, дающих простые ответы, а также логика углублённой специализации в академии, сужающая пространство для межпрограммной рефлексии. Эпистемологические ограничения связаны с феноменом «двоемыслия» — крайней сложностью свободного владения одновременно несколькими экономическими языками при отсутствии глобально синтетических моделей. Аксиологические ограничения отражают риски критики в отношении «жёсткого ядра» НИП, в рамках которой действует исследователь. Отдельно раскрыта связь критического мышления с радикальной неопределённостью и регуляторным фундаментализмом. На примере предложенного Дж. Кеем и М. Кингом подхода демонстрируется, как переоценка вероятностных исчислений в регулировании приводит к подмене радикальной неопределённости ситуациями риска, порождая ошибочные нормативные требования. Предлагается типология носителей экономического знания: от специалиста, осознающего границы своей компетентности, до неспециалиста с полномочиями принятия решений, не осознающего масштаба собственной некомпетентности. Обосновывается тезис о предметной специфичности универсальных когнитивных навыков: критическое мышление, развитое в рамках одной НИП, автоматически не переносится на анализ альтернативных подходов. Сделан вывод о том, что позитивный внутридисциплинарный дискурс невозможен через устранение концептуального разнообразия; напротив, он требует его институционализации как ресурса более ответственного и рефлексивного научного и экспертного анализа, способного снизить вероятность общественно неприемлемых последствий ошибочных решений.

Ключевые слова: *внутридисциплинарный дискурс, критическое мышление, экономическая наука, научно-исследовательские программы, радикальная неопределённость.*

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

JEL: B41, D89

УДК: 001.2, 001.5, 001.8, 330.8

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_15_26

© А.Е. Шаститко, Н.С. Павлова, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шаститко А.Е., Павлова Н.С. Свои среди чужих, чужие среди своих: зачем экономике критическое мышление? // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 15–26. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_15_26.

FOR CITATION: Shastitko A., Pavlova N. Ours among strangers, strangers among ours: why does economics need critical thinking? // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 15–26. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_15_26.

Введение

Идея построения единой экономической теории, с базовыми постулатами которой были бы согласны все профессиональные экономисты (или, как минимум, их квалифицированное большинство), обладает значительным эвристическим и институциональным притяжением². Вместе с тем, подобный проект представляется малоперспективным не только вследствие практически полной необозримости современного поля экономических исследований в начале XXI в. (в отличие от относительно обозримого состояния дисциплины до середины XIX в.), но и вследствие фундаментального, устойчивого разнообразия подходов к исследованию предмета экономической науки, а также продолжающегося в последние годы процесса повышения разнородности и сегментации экономической науки [Автономов, 2024].

Признание необратимости и непреходящего характера концептуального и методологического плюрализма неизбежно влияет на доступные варианты организации внутридисциплинарного дискурса, в число которых не попадает развитие научного экономического знания в режиме смены парадигм по Т. Куну [Кун, 2020]. Возможные форматы включают сосуществование и конкуренцию (или кооперацию) множества научно-исследовательских программ (НИП) по И. Лакатосу [Лакатос, 1995], пролиферацию разнородных экономических теорий в духе П. Фейерабенда [Фейерабэнд, 2007], а также эволюционный отбор концепций и понятий, описанный С. Тулмином [Тулмин, 1984].

Отсутствие реалистичных перспектив глобального синтеза — в отличие от неоклассического синтеза середины и второй половины XX в., который имел и иные предпосылки, проявляется и в современных дискуссиях, в том числе в российском академическом пространстве. Это задаёт контекст для обсуждения того, как именно возможно организовать позитивный внутридисциплинарный дискурс в условиях множественности НИП и ограниченности человеческих когнитивных ресурсов.

Концептуальное разнообразие в экономической науке, необходимость метаязыка и вызовы критического мышления

Дальнейший анализ опирается на идею И. Лакатоса о научно-исследовательских программах, спроецированную на экономическую науку. Признание того факта, что в экономике одновременно сосуществует множество НИП, ставит вопрос о возможности извлечения из этого состояния практической полезности и о том, для каких именно акторов такая полезность может быть максимальной.

² А также идея формирования общего социального анализа, основанного на синтезе разных общественных дисциплин [Полтерович, 2022]. На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 48–57.

Если рассматривать ситуацию с точки зрения исследователей, ориентированных преимущественно на построение абстрактных моделей «сферического коня в вакууме», то использование концептуального разнообразия может представляться факультативным. Однако в применении к задачам, возникающим «за пределами академии» — в политике, бизнесе, регуляторной практике, наличие различных теоретических перспектив становится ресурсом для более адекватного и контекстно чувствительного решения прикладных проблем.

В этом отношении показательна позиция представителей академической профессуры, совмещающих академическую и практическую деятельность: «Проявление суждения при выборе нарративов эклектично и прагматично. Как экономисты, мы не являемся приверженцами неоклассической или неокейнсианской, или австрийской, или социалистической, или поведенческой школы. Но мы готовы заимствовать из любой или всех этих школ мысли, если они предлагают релевантное понимание в контексте конкретной проблемы» [Кей, Кинг, 2025. С. 568]. Такая позиция подчёркивает практическую значимость концептуального разнообразия в системе высшего образования, выступающего необходимым (хотя и недостаточным) условием формирования фундаментальных и одновременно практико-ориентированных знаний.

Одним из аргументов в пользу поддержания концептуального разнообразия является широкое распространение радикальной неопределённости как особого класса ситуаций выбора (индивидуального и коллективного) [Шаститко, 2024; Шаститко, Федоров, 2023], для описания которых вероятностные модели оказываются недостаточными или вводящими в заблуждение. Более того, в некоторых случаях их применение создаёт дополнительные проблемы, маскируя радикальную неопределённость ситуациями риска и тем самым провоцируя ошибочные решения.

Поддержка концептуального разнообразия в позитивном ключе требует наличия метаязыка, который позволил бы представителям разных НИП продуктивно взаимодействовать. На стыке высшего экономического образования и научных исследований роль своего рода метаязыка экономической науки часто выполняет «учебниковая» микроэкономика в её стандартизированной форме (от вводного до продвинутого уровня, включая курсы, восходящие к [Мас-Колелл, Уинстон, Грин, 2016; Туттов, Шаститко, 2021]). С одной стороны, такая метаязыковая позиция создаёт возможности использования микроэкономики в качестве бенчмарка для сопоставления и обсуждения альтернативных НИП, с другой — она порождает риски предвзятости в оценках и суждениях, когда именно этот язык начинает восприниматься как «единственно правильный».

Интуитивное признание важности критического мышления исследователей и обучающихся сочетается с отсутствием общепринятого операционального определения критического мышления вообще и критического мышления экономистов в частности (тем более привязанного к конкретной предметной области). В определённом смысле отсутствие единого операционального определения может рассматриваться как позитивное обстоятельство, предотвращающее догматизацию и стандартизированное измерение критичности мышления при отсутствии консенсуса относительно его содержания.

Ситуация с критическим мышлением аналогична положению в методологии науки, где сосуществуют подходы Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, С. Тулмина и других авторов. Ни положения этих концепций, ни их взаимные оценки не поддаются окончательной верификации или фальсификации таким образом, чтобы обеспечить всеобщий консенсус. Однако само разнообразие взглядов на один и тот же объект создаёт ресурс для более рефлексивного и взвешенного анализа.

Критическое мышление экономистов и его системные ограничения

Вопрос о достаточности критического мышления для адекватного анализа сложных объектов особенно остро встаёт в отношении экономической науки, где одна и та же реальность описывается множеством конкурирующих подходов. Если признать, что критическое мышление исследователя требует, помимо общих когнитивных навыков, глубокого владения предметной областью, то возникает проблема: насколько реалистично одновременно осваивать и поддерживать компетенции в нескольких НИП, оперирующих разными языками описания и наборами базовых допущений.

Практическое совмещение активной исследовательской деятельности со «свободным» владением несколькими экономическими языками (неоклассика, посткейнсианство, современный марксизм, традиционный институционализм, австрийская школа, разные направления новой институциональной экономической теории и др.) оказывается крайне затруднительным, если вообще достижимым. Проблема усугубляется тем, что различия между исследовательскими направлениями касаются не только набора ключевых концепций, но и смысловой нагрузки одних и тех же терминов. Это относится, в частности, к таким фундаментальным понятиям, как «конкуренция», «индивидуальный выбор», «общественное благосостояние», «капитал» и т.п.

В истории и современной практике экономической науки можно выделить исследователей, работающих на стыке НИП и владеющих инструментарием не одной, а двух и более программ. Однако подобное межпрограммное позиционирование сопряжено с рисками «чуждости» как внутри каждой из программ, так и в их совокупности: исследователь легко оказывается «чужим среди своих и своим среди чужих».

Возникающие ограничения на критическое мышление в научной и экспертной деятельности, а также в образовательной практике, можно условно разделить на онтологические, эпистемологические и аксиологические. К онтологическим ограничениям относятся, во-первых, особенности спроса на экономическое знание вне академии. Здесь доминирует запрос на «одноруких» и «телевизионных» экономистов, предлагающих простые и однозначные ответы. Популизм, подкреплённый низким уровнем критичности массового мышления, опирается на непонимание не только содержания экономических концепций, но и границ их применимости, а также на высокий спрос на информационный «хайп» в краткосрочной перспективе.

Во-вторых, в рамках академического пространства действует логика углублённой специализации и роста требований к производительности (измеряемой, в частности, количеством статей, проходящих двойное слепое рецензирование в научных журналах). В таких условиях экономист, стремящийся свободно владеть несколькими экономическими «языками», сталкивается с ограничениями времени, когнитивных ресурсов и институциональных стимулов. Объективно это сужает пространство для развития критического мышления, ориентированного на межпрограммный анализ. Кроме того, «эмпирический поворот» в экономической науке привёл к превалированию научных текстов, которые фокусируются на эмпирических разработках, в то время как доля работ по теории (к которым, в частности, относятся тексты, отражающие критическое отношение к предпосылкам теорий и обсуждающие ограничения применимости тех или иных теоретических подходов) падает [Garg, Fetzer, 2024]. Соответственно, работы по критическому переосмыслению предпосылок различных НИП и их взаимосвязи с высокой вероятностью имеют меньше шансов на публикацию.

Эпистемологические ограничения связаны с трудностями «двоемыслия» и «троемыслия» в отсутствие синтетических моделей, позволяющих согласовать различные НИП. Одна из стратегий избегания когнитивного диссонанса — дистанцирование от академии и обесценивание фактов и идей, не вписывающихся в расширенную картину мира

исследователя. Такая стратегия снижает нагрузку на когнитивные ресурсы, но одновременно обедняет критический потенциал научного сообщества.

Что касается аксиологических ограничений, то для экономистов-исследователей актуальными могут быть ограничения, связанные с восприятием «твёрдого ядра» [Лакатос, 1995]: если у любой НИП есть «твёрдое ядро», которое защищено от критики, то исследователь принимает это ядро как ценность (часто неосознанно). Критическое мышление, направленное на это ядро, может восприниматься как угроза идентичности исследователя³.

Типология носителей знания и уровней критического мышления

Для прикладного анализа роли критического мышления полезно выделить несколько категорий носителей экономического знания и соответствующих уровней критичности мышления. Условно можно различить следующие группы.

1. *Специалист, осознающий границы своей компетентности.* Это человек, хорошо разбирающийся в той предметной области, в которой он специализируется, и одновременно осознающий границы своей компетенции, включая пределы применимости используемых им концепций и моделей. Как правило, он хотя бы в минимальной степени понимает язык иных исследовательских направлений в рамках той же дисциплины. Именно эта категория в наибольшей степени соответствует условиям формирования позитивного внутридисциплинарного дискурса, поскольку осознание ограничений собственной компетентности оказывается совместимым со стремлением к её расширению.

2. *Специалист со «стихийным концептуальным империализмом».* Такой специалист на развитом уровне владеет инструментально-категориальным аппаратом в своей области, но не рефлексировывает в отношении ограничений, связанных с переносом этих знаний на другие объекты. На практике подобную позицию можно наблюдать, например, у консультантов по экономическим реформам, применяющих привычные им модели к странам и институциональным контекстам, с которыми они почти не знакомы. Это тесно связано с проблематикой «импорта институтов», когда перенос институтов и моделей осуществляется без достаточного учёта особенностей контекста.

3. *Неспециалист, осознающий собственную некомпетентность.* Эта категория включает лиц, которые не являются специалистами в определённой сфере, но при этом отдают себе отчёт в ограниченности своих знаний и в неспособности вырабатывать релевантное научное знание. Такая позиция потенциально снижает риск некритического заимствования и распространения псевдонаучных идей.

4. *Неспециалист, не осознающий масштаб своей некомпетентности.* Представители этой группы не владеют предметной областью и не имеют адекватного представления о масштабах собственной некомпетентности. Тем не менее они нередко претендуют на авторитетное мнение по вопросам, являющимся предметом научного анализа, что создаёт дополнительные риски для общественного дискурса.

5. *Неспециалист с полномочиями принятия решений в бизнесе и политике.* Особую категорию составляют лица, которые, не будучи специалистами и не осознавая масштаб своей некомпетентности, обладают полномочиями принимать решения в бизнесе или регулировании. В условиях ухудшающегося отбора (более подробно о его причинах написано, например, у Ф. фон Хайека [Хайек, 2005]) такие акторы оказываются источником слабого спроса на критическое мышление (следуя максиме «есть два мнения – моё и неправильное») и одновременно источником решений с потенциально тяжёлыми последствиями

³ Отдельная тема в связи с аксиологическими ограничениями критического мышления экономистов-исследователей — влияние идеологии на экономические исследования (см. например [Вольчик, Фурса, 2024]). Идеология и теоретические нарративы в экономической науке // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 7–21).

для компании, отрасли или даже общества в целом. Отсутствие достаточно развитых механизмов прослеживаемости и эмпирической оценки причинно-следственных связей создаёт стимулы ухода от ответственности за подобные решения.

Вместе с тем переход к анализу группового уровня принятия решений — в том числе на уровне организаций — усложняет картину. Исходя из позиции методологического индивидуализма, возникает вопрос о том, каким образом индивидуальное критическое мышление обеспечивает (или не обеспечивает) рациональность решений на организационном уровне, и этот вопрос оказывается далёким от тривиальности. Несмотря на наличие эмпирических свидетельств того, что группы способны принимать более рациональные решения, чем отдельные индивиды [Charness, Sutter, 2012; Bang, Frith, 2017], термин «критическое мышление» традиционно применяется к мышлению индивида. Попытки концептуализации группового критического мышления остаются редкостью [Schamber, Mahoney, 2006], хотя работа в группе может служить инструментом развития индивидуального критического мышления [Loes, Pascarella, 2017].

Однако не каждое групповое решение автоматически превосходит индивидуальное по рациональности; более того, групповые решения подвержены специфическим искажениям [Janis, 1982; Isenberg, 1986], а в некоторых случаях работа в группах даже негативно сказывается на развитии критического мышления [Arum, Roksa, 2010]. В связи с этим особое значение приобретает организация самой процедуры принятия решений, что фактически переводит анализ в плоскость процедурной рациональности по Г. Саймону [Саймон, 1993]. Рациональные процедуры должны опираться на понимание типичных когнитивных искажений, проявлений ограниченной рациональности и «провалов» критического мышления, характерных для соответствующей предметной области.

Например, последовательная реализация коузианского подхода к выработке регуляторных решений (включая сохранение status quo и повышение степени совершенства рынка) может предотвратить автоматическое «скатывание» в регуляторный или рыночный фундаментализм. Аналогично процедура оценки регулирующего воздействия — учитывая склонность разработчиков политик к регуляторным опциям — требует обязательного рассмотрения альтернатив, включая сохранение status quo, при этом необходимость любого вмешательства не презюмируется и подлежит дополнительному доказательству. Для практиков (политиков, чиновников) перечень типичных когнитивных искажений и дефицитов критического мышления, влияющих на экономическую политику, хорошо документирован [Павлова, 2017; Tasic, 2011]. Подобное понимание недостатков критического мышления экономистов-учёных могло бы способствовать разработке процедур, обеспечивающих межпрограммный (внутридисциплинарный) дискурс. Даже без исчерпывающего перечня таких дефицитов уже возможны конкретные институциональные рекомендации по оптимизации дискурса.

Радикальная неопределённость, критическое мышление и статус моделей

Недостаточность критического осмысления экономических моделей проявляется, в частности, в связи с радикальной неопределённостью и регуляторным фундаментализмом [Шаститко, Павлова, 2022, Павлова, Шаститко, 2024]. На первый взгляд подобная связь может показаться искусственной, однако пример анализа Дж. Кея и М. Кинга демонстрирует её внутреннюю логическую обоснованность [Кей, Кинг, 2025].

Переоценка возможностей вероятностных исчислений при моделировании ценообразования финансовых активов и оценке рисков приводит к подмене понятий: радикальная неопределённость, предполагающая наличие ex ante не специфицируемых, но в определённой мере ожидаемых событий (что-то вроде ожидания непредвиденного [Шаститко,

Курдин, 2020]), представляется как ситуация с количественно измеримыми рисками. Эти риски затем институционализируются в нормативных требованиях к деятельности компаний, которые оказываются чрезмерно жёсткими и финансово непривлекательными для рациональных участников рынка: «Система регулирования пытается снизить риск — который никогда нельзя устранить в мире радикальной неопределённости — навязывая такой жёсткий и финансово непривлекательный сценарий, что ни один здравомыслящий человек не захочет ему следовать» [Кей, Кинг, 2025. С. 453].

В результате создаётся система благонамеренного, но ошибочного регулирования. В качестве иллюстрации Кей и Кинг приводят ухудшение перспективы материальной обеспеченности граждан в старости в Великобритании. Доминирующий нарратив о «все-силлии» вероятностного подхода к оценке рисков и соответствующего регулирования редко подвергается подлинно критическому пересмотру, в том числе в связи с недостаточным вниманием к сценариям с низкой вероятностью, но крайне высокими негативными последствиями (кризис 2007–2008 гг. — один из иллюстративных примеров). Аналогичные выводы могут быть сформулированы в отношении множества событий типа «чёрных лебедей», а также событий с низкой вероятностью и значительными негативными последствиями, чья недооценка связана с дефицитом критического осмысления допущений, лежащих в основе используемых моделей.

Связку между критическим мышлением и радикальной неопределённостью можно дополнительно прояснить через метафору когнитивных Систем 1 и 2, на объяснении соотношения которых, в частности, были построены рефлексии Д. Канемана в рамках поведенческой экономики [Канеман, 2014]. Поскольку Система 2 (медленное, рефлексивное мышление) не может использоваться для осмысления большинства решений индивида из-за ограниченности когнитивных ресурсов, критическое переосмысление не может быть применено одновременно ко всем областям общественной жизни, в которых оно необходимо. Часто значимость критического пересмотра тех или иных практик оказывается очевидной лишь постфактум, после реализации соответствующих рисков или после того, как «быстрая» Система 1 даёт сбой, ведущий к существенным последствиям.

Если исходить из того, что любая модель является упрощённым и, следовательно, искажённым представлением действительности, то практически любую модель можно признать «ошибочной» [Кей, Кинг, 2025]. Однако из этого не следует её бесполезность. Важным элементом критического мышления является отказ как от идеализации преобладающей модели (даже если она широко признана в академическом сообществе), так и от нигилистического обесценивания альтернативных моделей, по тем или иным причинам находящихся на периферии внимания исследователей.

Например, часто поведенческие эффекты интерпретируются как некоторые отклонения от модели максимизации ожидаемой полезности, и, соответственно, в качестве обоснованной задачи рассматривается поиск способов минимизации отклонений от поведения, которое предсказывается соответствующей моделью. Однако такая постановка требует специального обоснования применения модели ожидаемой полезности как эталона «правильного» решения, в то время как отклонения считаются «ошибочными». И возникает вопрос, необходимо ли стремиться к минимизации отклонений, если сама модель ожидаемой полезности и её максимизации может быть «ошибочна» — например, в ситуациях радикальной неопределённости. Так, [Кей, Кинг, 2025] утверждают, что поведенческая экономика хороша для объяснения так называемых «малых миров», т.е. ситуаций, где известен набор исходов, их вероятности (или их можно адекватно оценить), а структура выбора относительно проста. Для них поведенческая экономика исправляет идеализирующие предпосылки традиционной теории выбора и даёт более реалистичные микромодели поведения. Однако эти модели не следует экстраполировать на «большие миры» радикальной неопределённости (бизнес-стратегия, макрополитика, личные жизненные решения),

где не существует заранее заданного вероятностного пространства и где люди опираются на рассказы-нарративы, эвристики и т.д. Способность осознавать подобные ограничения применимости результатов также является составной частью критического мышления.

Критическое мышление и междисциплинарный (межпрограммный) дискурс: возможности и пределы

С учётом сказанного можно сформулировать несколько тезисов, касающихся роли критического мышления в организации междисциплинарного и внутридисциплинарного дискурса. Во-первых, есть основания предположить, что большинство участников дискурса считают себя обладающими достаточно развитым критическим мышлением, однако эмпирические наблюдения и исследования показывают, что это впечатление далеко не всегда соответствует действительности. При этом некоторые эмпирические данные ставят под сомнение результативность усилий по целенаправленному повышению критического мышления в образовательном процессе [Arum, Roksa, 2011; Солодихина, 2022; Huber, Kuncel, 2016].

Во-вторых, возникает вопрос, является ли высокий уровень критического мышления необходимым условием успешной организации междисциплинарного или межпрограммного дискурса. Если вслед за Дж. Зигфридом и Д. Коландером понимать критическое мышление как способность к «big-think» [Siegfried, Colander, 2022]⁴, то для продуктивного взаимодействия между НИП требуется хотя бы базовая ориентация в их содержании и актуальных границах. В подобной трактовке без развитого критического мышления перспективы позитивного междисциплинарного дискурса выглядят ограниченными.

В-третьих, развитое критическое мышление вряд ли может рассматриваться как достаточное условие для устойчивого межпрограммного взаимодействия. Согласно «классической» формуле, критическое мышление включает диспозицию, навыки мышления и знание предметной области. Общие когнитивные навыки позволяют ориентироваться в альтернативных НИП лишь в ограниченной степени: без владения аппаратом конкретной программы возможности её критического осмысления на основе одних лишь универсальных логических и аналитических навыков остаются весьма ограниченными, и возникает риск остаться в пределах «экономической теории классной доски», пусть даже концептуально разнообразной.

Эмпирические исследования показывают, что обучающимся сложно переносить освоенные в одной области навыки критического мышления на другие области [Willingham, 2007]. Это свидетельствует о наличии дисциплинарной или предметной специфичности даже тех компонентов критического мышления, которые традиционно считаются универсальными.

В-четвёртых, восприятие универсальной компоненты критического мышления представителями разных дисциплин также демонстрирует вариативность. Так, опрос преподавателей естественных наук [Солодихина, Солодихина, 2023] показывает, что они прежде всего связывают критическое мышление с исследовательской, часто экспериментальной деятельностью, тогда как в гуманитарных науках акцент смещается в сторону анализа, оценки и интерпретации. Аналогичные различия наблюдаются среди студентов

⁴ В этой работе выделяются два вида критического мышления в экономике: «big-think» и «little-think». «Little-think» подразумевает преподавание студентам инструментов, моделей и методов, которые используются экономистами, а преподавание «big-think» — формирование представлений о соотношении моделей, ограничениях на их применимость к объяснению реальных ситуаций, а также интегрирование ценностных суждений с научными доказательствами для выработки экономической политики (подробнее см.: Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2026). Метаязык для концептуального разнообразия в экономической науке: новый взгляд на «коробку Эджуорта» // *Вопросы экономики*. № 4. С. 145–160. DOI: 10.32609/0042-8736-2026-4-145-160.).

разных направлений подготовки, которые по-разному ранжируют компоненты критического мышления и выбирают наиболее релевантные его определения. Экономическая наука в этой части, на наш взгляд, занимает особое место в свете «революции достоверности», ядро которой — в смещении фокуса на эмпирические оценки причинно-следственных связей между явлениями [Angrist, Pischke, 2010]. Будет ли такой поворот сопряжён с распространением практики «подгонометрии» [Мальцев, Шаститко, 2025] как одного из маркеров некритического освоения предмета исследования — время покажет.

Хотя в рамках экономической теории нет оснований ожидать столь же высокой вариативности, как между естественными и гуманитарными науками, различия в понимании «эталонных» методов исследования и критериев обоснованности аргументации между разными НИП могут оказывать существенное влияние на возможности взаимного признания и конструктивного диалога. Без хотя бы минимального согласия относительно валидности методологических подходов трудно рассчитывать на признание аргументов друг друга обоснованными. Вместе с тем даже отсутствие такого признания не исключает позитивного внутридисциплинарного дискурса в слабой форме, когда ряд идей в рамках одной НИП воспринимаются другой НИП, пусть и с некоторыми оговорками и корректировками (допуская, что позитивный дисциплинарный дискурс в сильной форме предполагает умение воспринимать другую НИП «как она есть», т.е. в её аутентичной форме).

Заключение

Представленный анализ демонстрирует, что позитивный внутридисциплинарный дискурс как одна из возможных дискретных структурных альтернатив в экономической науке не может быть сведён к поиску единой, всеобъемлющей теории, принимаемой всеми экономистами. Напротив, он предполагает институционализацию и поддержание представления о множестве научно-исследовательских программ как варианте нормы, а также развитие критического мышления, позволяющего осознавать как границы собственной компетенции, так и ограничения используемых моделей.

Вместе с тем критическое мышление само по себе подвержено онтологическим и эпистемологическим ограничениям, связанным с радикальной неопределённостью, стимулами в академии, спецификой общественного спроса на экономическое знание и предметной привязкой универсальных когнитивных навыков. В этих условиях ключевой задачей становится не устранение концептуального разнообразия, а формирование механизмов, позволяющих использовать его как ресурс для более ответственного и рефлексивного научного и экспертного дискурса, одним из ожидаемых благотворных эффектов которого станет снижение вероятности (пусть даже трудно измеримой) возникновения общественно неприемлемых эффектов вследствие принятия ошибочных решений.

Обсуждение вопроса об основаниях, возможностях и границах критического мышления особенно актуально в дискуссиях по вопросам экономической политики в свете новых вызовов, возникших в связи с глобальной цифровой трансформацией экономики, приведшей к созданию новых форм организации бизнеса, способов ограничения конкуренции и каналов конкурентного давления. Немногочисленные работы на стыке экономики и права, посвящены обсуждению вариантов проектирования и применения инструментов защиты конкуренции [Ховенкамп, 2025; Эзрахи, Стаки, 2022]. Вместе с тем их анализ показывает, что далеко не все доступные возможности позитивного междисциплинарного дискурса в целях построения сбалансированной конкурентной политики в быстро меняющемся мире исчерпаны.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2024). Судьба «больших теорий» в экономической науке // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 96–105. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_96_105.
- Вольчик В.В., Фурса Е.В. (2024). Идеология и теоретические нарративы в экономической науке // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_7_21.
- Канеман Д. (2014). *Думай медленно... решай быстро*. — М.: Издательство АСТ.
- Кей Дж., Кинг М. (2025). *Радикальная неопределённость. Принятие решений за пределами цифр*. — Ереван: Fortis Press.
- Кун Т. (2020). *Структура научных революций*. — М.: АСТ.
- Лакатос И. (1995). *Фальсификация и методология научно-исследовательских программ*. — М.: Медиум.
- Мальцев А.А., Шаститко А.Е. (2025). Куда ведёт ностальгический эмпиризм новых-новых институционалистов? // *Вопросы экономики*. № 12. С. 5–31. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-12-5-31.
- Мас-Колелл А., Уинстон М.Д., Грин Д.Р. (2016). *Микроэкономическая теория*. Кн. 1–2. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Павлова Н.С. (2017). Поведенческие аспекты действий регулятора // *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*. Т. 9. № 1. С. 7–18.
- Павлова Н.С., Шаститко А.Е. (2024). Микрооснования доминирования фундаментализма в экономической политике: есть ли антидот? // *Вопросы экономики*. № 1. С. 94–114. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-1-94-114.
- Полтерович В.М. (2022). На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 48–57. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57.
- Саймон Г. (1993). Рациональность как процесс и продукт мышления // *THESIS*. Вып. 3. С. 16–38.
- Солодихина М. (2022). *Критическое мышление в высшем естественнонаучном образовании: определение и содержание понятия*. — М.: МПГУ.
- Солодихина М.В., Солодихина А.А. (2023). Критическое мышление: сравнение трёх дисциплинарных подходов // *Вопросы образования*. № 4. С. 207–240.
- Тулмин С. (1984). *Человеческое понимание*. — М.: Прогресс.
- Тутов Л.А., Шаститко А.Е. (2021). Метаязык внутридисциплинарного дискурса для научно-исследовательских программ: приглашение к разговору // *Вопросы экономики*. № 4. С. 96–115. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-4-96-115.
- Фейерабенд П. (2007). *Против метода. Очерк анархистской теории познания*. — М.: АСТ.
- Хайек Ф. (2005). *Дорога к рабству*. — М.: Новое издательство.
- Ховенкамп Г. (2025). *Технологические монополии*. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Шаститко А.Е. (2024). *Новая институциональная экономическая теория*. — М.: МАКС Пресс. DOI: 10.29003/m4302.978-5-317-07300-8.
- Шаститко А.Е., Курдин А.А. (2020). В ожидании непредвиденного // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 36–50. DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10202.
- Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2022). Коузианство против пигувианства: идеи, ценности, перспективы // *Вопросы экономики*. № 1. С. 23–46. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-1-23-46.
- Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2026). Метаязык для концептуального разнообразия в экономической науке: новый взгляд на «коробку Эджуорта» // *Вопросы экономики*. № 4. С. 145–160. DOI: 10.32609/0042-8736-2026-4-145-160.
- Шаститко А.Е., Федоров С.И. (2023). Человек в меняющемся мире: как координировать индивидуальные планы? // *Вопросы экономики*. № 7. С. 50–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-7-50-80.
- Эзрахи А., Стаки М. (2022). Виртуальная конкуренция: посулы и опасности алгоритмической экономики. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Angrist J.D., Pischke J.S. (2010). The credibility revolution in empirical economics: How better research design is taking the con out of econometrics // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No. 2. Pp. 3–30.
- Arum R., Roksa J. (2011). *Academically Adrift. Limited Learning on College Campuses*. — Chicago: The University of Chicago Press.
- Bang D., Frith C. (2017). Making better decisions in groups // *Royal Society Open Science*. Vol. 4 (8). Pp. 170–193.
- Charness G., Sutter M. (2012). Groups Make Better Self-Interested Decisions // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 26 (3). Pp. 157–176.
- Garg P., Fetzer T. (2024). Causal Claims in Economics // *I4R Discussion Paper Series*. No. 183. Institute for Replication (I4R).
- Huber C., Kuncel N. (2016). Does College Teach Critical Thinking? A Meta-Analysis // *Review of Educational Research*. Vol. 86(2). Pp. 431–468.
- Isenberg D. (1986). Group polarization: A critical review and meta-analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 50(6). Pp. 1141–1151.
- Janis I. (1982). *Groupthink: Psychological studies of policy decisions and fiascoes*. — Boston: Houghton Mifflin.
- Loes Ch.N., Pascarella E.T. (2017). Collaborative Learning and Critical Thinking: Testing the Link // *The Journal of Higher Education*. Vol. 88(5). Pp. 726–753.
- Schamber J., Mahoney S. (2006). Assessing and Improving the Quality of Group Critical Thinking Exhibited in the Final Projects of Collaborative Learning Groups // *The Journal of General Education*. Vol. 55(2). Pp. 103–137.
- Siegfried J., Colander D. (2022). What does critical thinking mean in teaching economics? The big and the little of it // *The Journal of Economic Education*. Vol. 53(1). Pp. 71–84. DOI: 10.1080/00220485.2021.2004278

- Tasic S. (2011). Are Regulators Rational? // *Journal des Economistes et des Etudes Humaines*. Vol. 17(1). URL: <http://ssrn.com/abstract=2492608> (access date: 02.05.2026).
- Willingham D.T. (2007). Critical thinking: Why it is so hard to teach? // *American Federation of Teachers*. 109 (4). Pp. 8–19. DOI: 10.3200/AEPR.109.4.21-32

REFERENCES

- Angrist J.D., Pischke J.S. (2010). The credibility revolution in empirical economics: How better research design is taking the con out of econometrics // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No. 2. Pp. 3–30.
- Arum R., Roksa J. (2011). *Academically Adrift. Limited Learning on College Campuses*. — Chicago: The University of Chicago Press.
- Avtonomov V.S. (2024). The Fate of «Grand Theories» in Economic Science // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 96–105. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_96_105. (In Russ.).
- Bang D., Frith C. (2017). Making better decisions in groups // *Royal Society Open Science*. Vol. 4 (8). Pp. 170–193.
- Charness G., Sutter M. (2012). Groups Make Better Self-Interested Decisions // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 26 (3). Pp. 157–176.
- Ezrachi A., Stucke M.E. (2022). *Virtual Competition: The Promise and Perils of the Algorithm-Driven Economy*. — M.: Publishing house «Delo» RANEPa. (In Russ.).
- Feyerabend P. (2007). *Against the Method. An Essay on the Anarchist Theory of Knowledge*. — M.: AST. (In Russ.).
- Garg P., Fetzer T. (2024). Causal Claims in Economics // *I4R Discussion Paper Series*. No. 183. Institute for Replication (I4R). S. I.
- Hayek F. (2005). *The Road to Serfdom*. — M.: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.).
- Hovenkamp H. (2025). *Technological Monopolies*. — M.: Gaidar Institute Press. (In Russ.).
- Huber C., Kuncel N. (2016). Does College Teach Critical Thinking? A Meta-Analysis // *Review of Educational Research*. Vol. 86(2). Pp. 431–468.
- Isenberg D. (1986). Group polarization: A critical review and meta-analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 50(6). Pp. 1141–1151.
- Janis I. (1982). *Groupthink: Psychological studies of policy decisions and fiascoes*. — Boston: Houghton Mifflin.
- Kahneman D. (2024). *Thinking, Fast and Slow*. — M.: AST. (In Russ.).
- Kay J., King M. (2025). *Radical Uncertainty: Decision-Making Beyond Numbers*. — Yerevan: Fortis Press. (In Russ.).
- Kuhn T.S. (2020). *The Structure of Scientific Revolutions*. — M.: AST. (In Russ.).
- Lakatos I. (1995). *Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes*. — M.: Medium. (In Russ.).
- Loes Ch.N., Pascarella E.T. (2017). Collaborative Learning and Critical Thinking: Testing the Link // *The Journal of Higher Education*. Vol. 88(5). Pp. 726–753.
- Maltsev A.A., Shastitko A.E. (2025). Where is the Nostalgic Empiricism of the New New Institutionalists Leading Economics? // *Voprosy ekonomiki*. No. 12. Pp. 5–31. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-12-5-31. (In Russ.).
- Mas-Colell A., Whinston M.D., Green J.R. (2016). *Microeconomic Theory*. Books 1–2. — M.: Izdatel'skiy dom «Delo» RANEPa. (In Russ.).
- Pavlova N.S. (2017). Behavioral Aspects of Regulator Decisions // *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*. Vol. 9. No. 1. Pp. 7–18. (In Russ.).
- Pavlova N.S., Shastitko A.E. (2024). Microfoundations of Dominance of Fundamentalism in Economic Policy: Is There an Antidote? // *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 94–114. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-1-94-114 (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2022). On the Way to a General Theory of Socio-Economic Development: Towards a Synthesis of Two Canons // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 48–57. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57. (In Russ.).
- Schamber J., Mahoney S. (2006). Assessing and Improving the Quality of Group Critical Thinking Exhibited in the Final Projects of Collaborative Learning Groups // *The Journal of General Education*. Vol. 55(2). Pp. 103–137.
- Simon G. (1993). Rationality as a process and product of thinking // *THESIS*. Vol. 3. Pp. 16–38. (In Russ.).
- Shastitko A.E. (2024). *New Institutional Economic Theory*. — M.: MAKSS Press. 825 p. DOI: 10.29003/m4302.978-5-317-07300-8. (In Russ.).
- Shastitko A.E., Fedorov S.I. (2023). Man in a Changing World: How to Coordinate Individual Plans? // *Voprosy ekonomiki*. No. 7. Pp. 50–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-7-50-80. (In Russ.).
- Shastitko A.E., Kurdin A.A. (2020). Expecting Unpredictable // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. Pp. 36–50. DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10202 (In Russ.).
- Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2022). Pigouvian vs. Coasian Approach: Ideas, Values, Perspectives // *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 23–46. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-1-23-46 (In Russ.).
- Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2026). Metalanguage for Conceptual Diversity in Economics: Edgeworth Box Reconsidered // *Voprosy ekonomiki*. No. 4. Pp. 145–160. DOI: 10.32609/0042-8736-2026-4-145-160. (In Russ.).
- Siegfried J., Colander D. (2022). What does critical thinking mean in teaching economics? The big and the little of it // *The Journal of Economic Education*. Vol. 53(1). Pp. 71–84. DOI: 10.1080/00220485.2021.2004278
- Solodikhina M. (2022). *Critical Thinking in Higher Natural Science Education: Definition and Content of the Concept*. — M.: MPGU. (In Russ.).
- Solodikhina M.V., Solodikhina A.A. (2023). Critical Thinking: A Comparison of Three Disciplinary Approaches // *Voprosy obrazovaniya*. № 4. Pp. 207–240. (In Russ.).

- Tasic S. (2011). Are Regulators Rational? // *Journal des Economistes et des Etudes Humaines*. Vol. 17(1). URL: <http://ssrn.com/abstract=2492608> (access date: 02.05.2026).
- Tulmin S. (1984). *Human Understanding*. — M.: Progress. (In Russ.).
- Tutov L.A., Shastitko A.E. (2021). Metalanguage within Disciplinary Discourse for Scientific Research Programs: Invitation to a Debate // *Voprosy ekonomiki*. No. 4. Pp. 96–115. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-4-96-115. (In Russ.).
- Volchik V.V., Fursa E.V. (2024). Ideology and Theoretical Narratives in Economics // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 4. Pp. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_7_21. (In Russ.).
- Willingham D.T. (2007). Critical thinking: Why it is so hard to teach? // *American Federation of Teachers*. 109 (4). Pp. 8–19. DOI: 10.3200/AEPR.109.4.21-32

Шаститко Андрей Евгеньевич

ORCID 0000-0002-6713-069X

aes99@yandex.ru

Andrey Shastitko

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Competition and Industrial Policy, Faculty of Economics, Moscow State University; Director of the Center for Research on Competition and Economic Regulation of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)

ORCID 0000-0002-6713-069X

aes99@yandex.ru

Павлова Наталья Сергеевна

ORCID 0000-0002-9416-4086

pavl.ns@yandex.ru

Natalia Pavlova

PhD (economics), Senior Researcher of Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)

ORCID 0000-0002-9416-4086

pavl.ns@yandex.ru

OURS AMONG STRANGERS, STRANGERS AMONG OURS: WHY DOES ECONOMICS NEED CRITICAL THINKING?

Abstract. The article analyzes the role of critical thinking in the organization of intra-disciplinary discourse in economics under conditions of fundamental conceptual diversity and radical uncertainty, as well as the organization of dialogue between academic economists and regulators. As a theoretical framework, the article offers an interpretation of economic science as a multitude of coexisting research programs (RPs) in the sense of I. Lakatos. Particular attention is paid to the role of economists' critical thinking as a possible mechanism for ensuring constructive dialogue between different RPs. The article demonstrates the ontological, epistemological, and axiological limitations of critical thinking in academic, expert, and educational spheres. Ontological limitations include the dominance of demand for "one-armed" economists who provide simple answers, as well as the logic of deep specialization within academia, which narrows the space for inter-program reflection. Epistemological limitations are associated with the phenomenon of "doublethink" — the extreme difficulty of fluently mastering several economic languages in the absence of synthetic models. Axiological limitations reflect the risks of criticizing the "hard core" of the RP within which a researcher operates. The article separately analyzes the connection between critical thinking and radical uncertainty and regulatory fundamentalism. Using the example of J. Kay and M. King, it demonstrates how the overestimation of probabilistic calculations in regulation leads to the substitution of radical uncertainty with situations of risk, generating erroneous regulatory requirements. A typology of bearers of economic knowledge is proposed, ranging from a specialist who recognizes the boundaries of their own competence to a non-specialist with decision-making authority who is unaware of the extent of their own incompetence. The thesis of the subject-specificity of universal cognitive skills is substantiated: critical thinking developed within one RP is not automatically transferable to the analysis of alternative approaches. It is concluded that positive intra-disciplinary discourse is impossible through the elimination of conceptual diversity; on the contrary, it requires the institutionalization of such diversity as a resource for more responsible and reflexive scientific and expert analysis, capable of reducing the likelihood of socially unacceptable consequences arising from erroneous decisions.

Keywords: *intra-disciplinary discourse, critical thinking, economics, research programs, radical uncertainty*

JEL: B41, D89.